

Помните эту чудесную музыкальную картинку «Три чуда»? Белочка, грызущая золотые орешки, тридцать три богатыря и прекрасная Царевна-Лебедь. Так гений поэта передал сказочную эстафету гению композитора. Но сейчас — о нем, о композиторе, о Николае Андреевиче Римском-Корсакове. 150 лет со дня рождения — это вам не шутка. Удивительный это был человек! «О чем в тиши ночей» слышали? Это он. «Спи, моя красавица, сладко спи», — тоже он. А кто тот красивый морской офицер, стоящий на мостике корабля «Алмаз»? Да все он же, Николай Андреевич. А о ком это в 1905 году великий князь Константин Романов сказал: «Он — главный коновод забастовки студентов»? И это все о нем. Много открытий ожидает каждого, кто познакомится с жизнью и творчеством великого чудесника. Но сегодня — только три чуда.

● О скалы грозные дробятся с ревом волны. Рокочет мощный бас Рейзена. А в музыке рокочет море. Пенящееся кипучей волной, настоящее, живое море. Кажется: не отбежишь, и тебя настигнет это прекрасное морское чудовище из воды и пены. А вот другое море: спокойное, созерцательное, как бы играющее солнечными бликами. Это плывет корабль Синдбада-Морехода. Романс «К морю», симфоническая поэма «Шехеразада», оперы «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»... Откуда эта тяга к морю?

А он с детства мечтал стать моряком. Старший брат — офицер флота, дядя — и вообще адмирал. И мальчик с увлечением строил модели кораблей, зачитывался книжками о морских путешествиях, рисовал каравеллы, с трепетом записывал прекрасные слова «фок-мачта», «форштевень», «шканцы»... Иногда среди каравелл рука вдруг выводила какую-то нотную фразу, но это, конечно же, думал он, — баловство.

И вот в 12 лет мальчик блестяще сдал экзамены в петербургский Морской корпус. Через 6 лет — офицерский чин и океанское плавание на клипере «Алмаз». Остановившись в Лондоне, Нью-Йорке, Рио-де-Жанейро, повседневность служебных обязанностей, грубость флотских нравов... И лишь ночью, стоя на палубе, любовался сказочной красотой тропического океана.

Но это было первым и последним плаванием: музыка заявила о себе как о главном призвании. С морской карьерой он расстался. Но не с морем!

Как-то один интервьюер сказал Евгению Светланову, поставившему «Сказание о невидимом граде Китеже»: «Мне кажется, что воду вы любите за ее музыкальность». «Вы правы», — ответил maestro. — Обратите внимание: вода почти всегда присутствует и в пейзажной

живописи. Если в пейзаже появляется вода, он приобретает живую душу». А я бы добавила: сначала водой — морем, озером, океаном — должна проникнуться душа художника, душа композитора. И тогда — «Девятый вал». И тогда — «О ска-

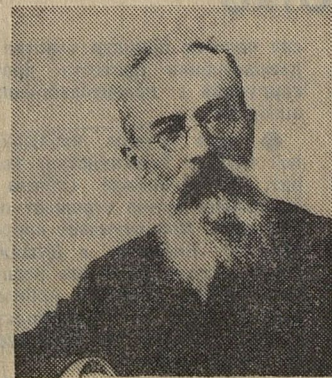
стрелы!». В 80-е годы Большой театр поставил «Петушка». И снова стрелы попали в кого надо. Когда царь Додон мечтал превратить столицу в большую спальню, в зале у многих возникли прелюбопытнейшие аллюзии. Ну а уж рефрен «Кири-ку-

лы грозные дробятся с ревом волны».

● Кири-ку-ку! Царствуй, лежачка на боку! Этот фанфарный пассаж, имитирующий крик петуха, был первой музыкальной мыслью Римского-Корсакова, когда он задумал оперу «Золотой петушок». Последняя опера композитора-сказочника. Но получилась та еще сказочка! Опера-сатира, опера-памфлет, прямо-таки в щедринском духе.

Собственно, сатиричная была уже и литературная основа оперы — изящная сказка Пушкина: в царь Додоне поэт карикатурно изобразил пороки российских самодержцев. Римский-Корсаков сочинил эту оперу в 1906—1907 годах. Как раз тогда, когда царь-батюшка, сперва учинив Кровавое воскресенье, толкнув тем самым рабочих на баррикады, затем из коих лез, чтобы любой ценой остаться у власти. Естественно, композитор музыкой усилил антицаристскую направленность сказки.

Это сообразили и чиновники от цензуры, потребовав от певцов вместо «Царствуй, лежачка на боку» петь «Братцы, спите на боку». Царя предложили называть воеводой, престол переименовать в «кресло». Композитор возмущался: «Сообразили, милые, в кого направлены

ку! Царствуй, лежачка на боку» и вообще сопровождался хохотом.

И еще об одной сказочной опере — «Кашей бессмертной». Сейчас она идет в Перми, в московском «Геликоне», а недавно поставлена в Маринском. Не смотрела, но говорят, что нет еще целостности, завершенности. Поживем — увидим. А пока вспомним: да ведь это же та самая опера, за которую Римского-Корсакова уволили из консерватории! Помните: «Он — главный коновод забастовки студентов»? Еще бы: мир Кашева царства на сцене очень уж напоминал мрачную атмосферу

самодержавия, а в самом Кашее современники увидели сходство с обер-прокурором Синода — Пободоносцевым. Премьера состоялась в 1902 году, но понастоящему смысл оперы был разгадан после событий 1905 года. Возмущенные увольнением великого композитора студенты Петербургской консерватории разучили и поставили «Кашея». Им помогал А. Глазунов, покинувший консерваторию в знак протеста.

Каждая эпоха, обращаясь к творениям великих, расставляет в них свои акценты. Но, каковы бы ни были художественные поиски сегодняшних постановщиков «Кашея», публика,

родой. А может быть, это мы, сегодняшние, вступившие в опасный конфликт с Природой, уже заведомо настроены именно так воспринимать эту сказку, эту музыку?

В сказочной стране живут берендей. Живут в согласии с Природой, боготворят Ярило-Солнце. И вдруг происходит нечто, нарушившее вечные законы Природы и волю Ярилы: старый Мороз полюбил молодую Весну-Красну. Нельзя им быть вместе, антиподы они, и во времени не совпадают. Но... родилась у них дочка, Снегурочка. Красавица, певунья. Но как же плохо ей среди людей! Еще с подружками по ягоды хо-

эпоху поворачиваясь к человеку какой-то новой гранью. Ну скажите, почему в последние годы умами дирижеров овладела опера «Сказание о невидимом граде Китеже»? Ставили эту оперу и раньше, но в усеченном виде. Слишком длинно, статично — оправдывались постановщики. Разумеется, никогда не пропускали «Сечу при Керженце». Хотя это и симфонический антракт, но музыка настолько выразительна, что прямо перед глазами вся картина битвы. Вот съезжаются враждующие войска, стучат копыта, схватились, враг теснит, а вот и наши наступают. И सबельки — вжжжж, вжжжж, вжжжж.

Сейчас оперу ставят без единой купюры. Поняли: двигаться могут не только кони и всадники, но и... мысли. Поняли: божественные длинноты музыки «Китежа» — не статика. Это — созерцание, размышление, постижение. Кто мы? Откуда? Куда идем? Каково наше место во Вселенной?

И вот из-под дирижерской палочки Евгения Светланова возникает... что? Музыка не музыка, чудо не чудо, нечто совершенно не имеющее названия, необъяснимое, что обволакивает душу и устремляет все ваше существо туда, высь, к вечному. В Маринском над загадочной партитурой колдует Валерий Гергиев. Другие оттенки, повороты, но не статика! А стремление к гармонии ожидание прекрасного, угадываемое, но такое недостижимое будущее. Град Китеж ведь невидим, да? Но мы к нему стремимся. Это как идеал, мечта, вера. Он невидим, но... отражается в воде! В чистой воде прекрасного озера Светлояр.

Ах, Николай Андреевич, ах, Римский-Корсаков! Какой же новой гранью повернетесь вы к нам, когда в 2044 году будем отмечать ваше двухсотлетие? Если, конечно, доживем. Если поймем, осознаем: наше спасение в гармонии с Природой. Если полюбим Природу не только как среду нашего обитания, но как высшую ценность! И станем ее беречь, холить, делять. Только в чистой воде можно увидеть облик будущего, облик невидимого града Китежа. Еще и еще вслушиваясь в эту волшебную музыку и думаю: а внуки наши, быть может, увидят и реальный Китеж?

Наталья МОРОЗОВА.

Три чуда

Правда. — 1999. — 22 марта.

Этуды о Н. А. Римском-Корсакове

думаю, заметит хотя бы вот это (цитирую по либретто): «Уныло и мрачно в Кашеевом царстве. Глухая осень; небо заткнуто черными тучами. За частоколом, усеянным черепами, томится Царевна Ненаглядная Краса». Боже, до чего прозрачно, аж мороз по коже, да? Впрочем, тс-с, молчок. Не будем о мрачном. Ведь у Римского-Корсакова есть такие светлые оперы-сказки!

● Город Солнца, град Китеж невидимый. Самая светлая — это, конечно, «Снегурочка». О чем она? Недавно повела на эту оперу своих внуков. Умоляли аллодисменты, и к моей взгрустнувшей внучке поднесли микрофон.

— Скажи, о чем спектакль?

И она, лапушка, опустив глаза, прошептала:

— О любви.

О, это прекрасно, что в наш безнравственный век хоть классика напоминает о настоящей любви. Но я-то (про себя) ответила на вопрос по-другому: «О вечности!» Да, в тот вечер музыка «Снегурочки» показала мне неземной, космической, что ли. Мне кажется, что в поэтически-философской сказке А. Островского музыка высветила самую главную идею — идею единения человека с При-

родой — куда ни шло. Но высшее счастье — любовь — ей недоступно: сердечко-то ледяное. Плохо и людям из-за Снегурочки: и парни, и женатые — все на нее заглядываются, в семьях ссоры-раздоры. Обеспокоен царь Берендей. Посоветовали ему издать указ, чтобы жены и мужья были верны друг другу, что бы женихи невест любили пламенно. Но царь заметил: мол, что указ, когда нарушено естественное течение жизни. Ярило — Солнце сердится на нас, и не указы тут нужны, а искупление вины.

Бедная Снегурочка. Все — то для нее плохо. Не полюбит — не узнает счастья, полюбит — погибнет. И вот — «печальная Снегурочки кончина». Я не знаю более возвышенной музыки, выражающей прощание с жизнью! Разве что последняя сцена из «Аиды»... Но там много чувственного. А здесь — такая чистота, такое парение, просветление: «Люблю и таю, таю от сладких чувств любви!» Снегурочка ценой своей жизни искупила вину родителей, вернувшись в объятия Природы, растворившись в ней. Солнце простило берендеев и снова засияло, вернув им тепло и свет.

Да, классика потому и классика, что не стареет, в каждую